

Э. БАХ

РЕЗИДЕНЦИЯ
ПОСЛЕДНИХ
РОМАНОВЫХ

ОПЫТ ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
Ленинград — 1928

и внимательное отношение к остаткам прошлого. Научное музееведение в СССР еще очень молодо и не успело еще достаточно широко разработать те материалы, которыми обогатила нас Революция. Художественно-научное и особенно историко-бытовое значение дворцов-музеев при царском строе игнорировалось не только обществом (тесный круг эстетов, «Мир Искусства», «Старые Годы» — не в счет), но даже представителями царствующего дома. При Николае II, в год его воцарения, был переделан левый флигель Александровского дворца и взамен великолепного Гваренгиевского зала устроены комнаты в стиле модерн. Можно подумать, что вандализм был для Романовых своего рода традицией: если оглянуться назад, то и в прошлом мы найдем не мало примеров неуважительного отношения к строительству предков. Так, Павел разорил оба Царско-сельских Дворца и вывез все наиболее ценные украшения в Павловск и Гатчину. Александр I только отчасти восстановил то, что было разрушено его отцом. При Александре II был переделан правый флигель Александровского Дворца, для устройства там апартаментов наследника Александра Александровича и его супруги.

Со времени Екатерины II никто из Романовых не питал такой прочной привязанности к Царскому Селу, как Николай II. Павел предпочитал Гатчину и Павловск, Александр I жил недолго в Александровском Дворце и несколько раз про-

живал в Екатерининском, Александр II короткое время жил в Екатерининском Дворце, Александр III почти не жил в Царском, хотя для него были устроены особые апартаменты. При Николае II Царское Село сделалось постоянной резиденцией царской семьи, уезжавшей отсюда только на короткий срок в Ливадию, в шхеры или в Петербург.

Наконец, после Революции 1917 г. царско-сельские дворцы стали достоянием народа; организованная в Царском Селе Художественно-Историческая Комиссия приняла в свое ведение царско-сельские дворцы и приступила к научной описи и организации — сначала Большого Дворца, а затем, когда Николай II и его семья были увезены в Тобольск (тогда же представителями власти были изъяты из личных апартаментов драгоценности и архив), была произведена и опись Александровского Дворца. Было решено сохранить обстановку личных апартаментов во всех деталях, без малейших изменений. Этому решению благоприятствовало то обстоятельство, что в 1916 г., по желанию б. царя, фотографией Ган были исполнены снимки с *interieur*'ов дворца. Таким образом, не представляло затруднений восстановить расположение вещей, если бы оно было нарушено. Фотографии эти свидетельствуют о том, что развеска картин, расстановка мебели и мелочей осталась ныне та же, что в 1916 году. При описи личных апартаментов Николая II

и Александры Федоровны, помимо карточной системы описания, были сделаны развернутые планы комнатной обстановки, с целью ее зафиксировать.

Вопрос о том, насколько обстановка этих комнат соответствовала личным вкусам б. царя, сводится к вопросу об активном или пассивном отношении к вещам. Дело в том, что в убранстве комнат б. царя есть элементы совершенно случайные. Мебель была в свое время сделана по особому заказу (фабр Мельцера), но картины большого частью были подарены в разное время и разными лицами. Только некоторые из них приобретены Николаем II по собственному почину, например, портрет Петра I, находящийся в его рабочем кабинете.

Эта пассивность в отношении предметов искусства сама по себе довольно характерна. Развеска же картин свидетельствует о непонимании «логики» экспозиции и нарушении принципов декоративности. Отсутствует и внутренняя связь, которая могла бы оправдать безвкусицу развески. Так, в большом кабинете Николая II, рядом с Серовским портретом Александра III (повторение отдельной фигуры из семейной группы) помещен «Юродивый» Кт. Лебедева; на других стенах — «Мальчики, играющие в шашки» Богданова-Бельского, «Александр III в образе богатыря» Шипова, «Николай II, командующий отрядом дейб-гусар» Эд. Детайля, портрет наследника Але-

ксея Николаевича работы Мантовани Гутти, «Вакханка» Каульбаха, морской пейзаж Крыжицкого, ряд акварелей Соломко и пр. Если не считать упомянутого холста Серова, в кабинете Николая II (да и в остальных комнатах «личной половины») нет ни одного капитального художественного произведения, за которым можно было бы признать выдающуюся, непреодолимую ценность. Все это — типично-«салонные», «будуарные» картины. Посредственный натурализм Богданова-Бельского, элегантная «красивость» Каульбаха, лирический Крыжицкий, парадно-воинственный Детайль и совсем невыносимые по своей банальной слащавости акварели Соломко, напоминающие конфетные или парфюмерные этикетки, — такая «мешанина», какое отсутствие эстетической инициативы! А в темном коридоре, разделившем флигель на две части, — комнаты Николая и комнаты Александры Федоровны, пребывают в забвении большой этюд Ретина и замечательные акварели Сурикова. В этом же коридоре по стенам развешено бессчетное количество бюд — подношений «верноподанных» россиян.

Произведения старинного искусства, повидимому, не привлекали Николая: в его кабинете вся мебель современная, бронза — также (кроме 3 вещей на письменном столе) фарфор — датский и б. Императорского завода недавнего времени. Никаких «уникумов», «даритетов» в антикварном смысле здесь нет.

Каких-либо признаков общего характера, которые отличали бы кабинет б. царя от кабинета богатого гвардейского офицера или претенциозного биржевика, мы не найдем. Обилие кожи и полированного дерева (запах кожи и дерева постоянно заметен в этих комнатах), удобная мебель — модернизированный «чиппендель» и будуарный «модерн», огромный бильярд, станок с киями, угловой диван с полкой, на которой красуется фарфоровое зверье — такова обстановка кабинета. Упомянем еще о двух бюстах — Александры Федоровны, работы Антокольского, и Александра II, работы итальянского скульптора Канонико.

На книжных полках — Четьи-Минеи, Жития святых в роскошных парчевых переплетах. Великолепные, исторические и художественные увражи (часть их — на круглом столе посредине комнаты) — подарки английского короля Георга и его супруги, Александры Федоровны и др. Напрасно было бы искать здесь произведения новейшей художественной литературы; правда, в одном из шкафиков есть «собрание сочинений А. П. Чехова», но девственно-свежий вид этих томов, хрустящих при раскрывании, со слипшимися по золотому обрезу страницами, свидетельствует о том, что они, если и бывали в употреблении, то не часто. Впрочем, молва утверждает, что Чехова, так же как Гоголя и Горбунова, царь любил и нередко читал их произведения вслух

государыне и детям. Остальные писатели земли русской представлены... в кн. Константином Константиновичем («Царь Иудейский»). Нужно упомянуть, впрочем, о Д. С. Мережковском, книга которого «Было и будет» каким-то чудом попала в число избранных, но и она — осталась неразрезанной. Тут же молитвенник, подаренный Николаю II его матерью. Не будем перечислять других книг — большинство из них имеет случайный характер и далеки от литературы, искусства и науки.

Небольшая лесенка ведет на антресоли, где на полках и на столах разложено огромное количество альбомов с фотографиями, систематизированными в хронологическом порядке. Они иллюстрируют, главным образом, парадную, официальную жизнь царя, — посещение войсковых парадов и маневров, прием иностранных монархов, французского президента и прочих высокопоставленных лиц.

Парады, маневры, бесконечные парады и маневры... Вот на плацу невзрачный полковник разглаживает усы и приветствует юнкеров. Вот он скучает на маневрах, сидит на траве, курит; рядом — длиннейший Николай Николаевич, мартышка принц Сиамский, толстый бурбонистый Сухомлинов, веселый «генерал от кувакерии» Воейков; щурятся от дыма и солнца; мимо них дефилируют неисчислимые ряды запыленных, усталых, измученных людей.

Закладка памятника, прием депутации. Царица и великие княжны в белых платьях, с букетами роз; девочки переглядываются с офицерами, улыбаются, одна вертит в руках кодак. Бравые конвойцы стоят, как изваяния, только бороды развеваются по ветру. Дюжий черноусый матрос — «дядька» держит на руках бледного, хрупкого наследника.

Эти фотографии — целая летопись. Здесь, на дворцовом плацу, протекала усердно-показная, мундирная жизнь. По команде взлетали сабли, голубея сверкающей сталью, и — назад, по команде падали, лязгая, в ножны. Грызли удила тонконогие, холеные гвардейские кони — все одной масти, на подбор. Бодро дудил и громыхал оркестр. Зеваки толпились у церковного флигеля, глазели с полным восторгом. В заключении долго, сухо и раскатисто гремело ура и коляска с «августейшей семьей» отъезжала. К ней спиной поворачивались дворцовые городовые, зорко следя за толпой, отдавали честь затылком и толстой шеей, покрасневшей от усердия и важности: «ели глазами» не монарха, а публику — «как бы чего не случилось».

Наряду с этими парадными фотографиями есть альбомы со снимками царской охоты — этого массового избиения оленей, ланей, зайцев. Особенный интерес представляют альбомы «частной» жизни царя; некоторые из них относятся к тому времени, когда он был еще наследником. Здесь

встречаются снимки довольно игривого содержания, свидетельствующие о пристрастии будущего монарха к обычным незатейливым удовольствиям юности. Границы так наз. приличия в этих случаях нигде не нарушены, но многие позы едва ли показались бы Победоносцеву достаточно солидными (напр., головой вниз, ногами вверх).

Антресоли кабинета прилегают к антресолям гостиной Александры Федоровны, куда можно, таким образом, пройти, минуя обычный путь через коридор.

За кабинетом следуют: камердинерская, гардеробная и уборная. Архитектурная обработка уборной — в мавританском стиле, не вполне выдержанном. Здесь находится бассейн, в котором Николай ежедневно купался. Специального умывальника в уборной нет, а для умывания служили кувшины и таз.

В небольшом, но крайне необходимом помещении, примыкающем к уборной, красуются несколько фривольных репродукций, карикатура на Николая II, сидящего в автомобиле (из французского журнала) и, как это ни странно — портрет Александры Федоровны, работы ее сестры Елизаветы Федоровны. Обыкновение помещать портреты своих близких в уединенных кабинетах, мало пригодных для экспозиции фамильных сувениров, типично для Романовых и заслуживает быть отмеченным, как особая бытовая черта. То же было у в. кн. Константина Константи-

новича в Мраморном Дворце. В ванной комнате в. кн. Павла Александровича (во втором этаже дворца Палей в Детском Селе) помещается портрет Александра III. В Петергофском Коттедже Николай I также поместил портрет своей бабки Екатерины II туда, где не принято помещать ничего, кроме водопроводных приспособлений (этот портрет находится там до сих пор). Число примеров можно было бы умножить, но это не относится к нашей теме.

За уборной Николая II следует его рабочий кабинет. В нем нет стилистического единства, обстановка смешанная, 90-х годов. Среди картин — портреты Петра I, Александра III, Александры Федоровны, щит с миниатюрами и пр. На письменном столе, имеющем форму буквы Г, фотографии и сувениры. Здесь принимал царь министров и других докладчиков.

В кабинете нет телефона, так как Николай не любил телефонировать, а предпочитал сноситься с приближенными короткими записками. В своих решениях по тому или иному делу Николай часто обнаруживал крайнее непостоянство, то давая согласие, то отменяя его. Случалось, что вслед за уходом докладчика, испросившего разрешение на тот или иной поступок, вслед ему посылалась записка царя с отменой разрешения.

В рабочем кабинете среди книг преобладают издания по военным вопросам, всевозможные уставы, отчеты и пр., есть несколько книжек

«Исторического Вестника» и «Вестника Европы». Любопытно, что в личной библиотеке Николая II обильно представлены «сатириконцы» — Аверченко, Тэффи, Бухов и пр. Все это, большей частью, подарки Вырубовой.

За рабочим кабинетом находится приемная, предназначавшаяся вначале под столовую, с деревянными панелями вдоль стен. Здесь дожидались аудиенции сановники. Среди картин — полотна Крачковского, Пимоненко, Владимирова, Горского, портрет Александры Федоровны кисти Мюллер-Норден, портрет Александра III раб. Демулэна. На календаре до сих пор значится 31 июля — день отъезда царской семьи в Тобольск.

С бытовой стороны интересно отметить, что во всем дворце нет и не было специальной столовой; трапеза происходила в одной из гостиных, в зависимости от освещения, температуры и пр. Каждый раз ставился раздвижной стол, который по окончании завтрака или обеда убирался. Кушанья готовились не в самом дворце, а в особом здании так назыв. «кухонном каррэ», находящемся недалеко от дворца. Из «кухонного каррэ» во дворец ведет подземный ход, тоннель, по которому пища поставлялась во дворец в больших закрытых ящиках. Тоннель, ведущий к вестибюлю первого подъезда (т.-е. к личным апартаментам), служил также для входа и выхода многочисленной прислуги — лакеев, горничных, парикмахеров, «арап-

чат» и пр., для которых отведены были комнаты подвальных помещений.

Параллельно комнатам Николая расположены (по другую сторону коридора) комнаты Александры Федоровны. Большая гостиная, малая гостиная и кабинет обставлены мебелью стиля модерн, работы того же Мельцера.

Что касается картин, то хотя их и много, но глазу решительно «не на чем остановиться». Тут мы находим произведения Крачковского, Пелевина, Волкова, Каульбаха, Крыжицкого, Бем, Соломко, Беккера, Шнейдер, Ткаченко и др. Поражает обилие фотографий, расставленных и развешенных повсюду. Царица сама занималась фотографией и делала отличные снимки. Поочередно увлекалась она, кроме фотографии, выжиганием по дереву, музыкой, пением, бильярдом, теннисом и пр. — каждому из этих занятий отдавалась с большим интересом, но очень скоро охладевала. Обстановка комнат Александры Федоровны напоминает лучшие номера хороших гостиниц, но не покои «российской императрицы». Особенно скромна спальня, в которой некоторые вещи самого простого, рыночного типа — напим., обыкновенные металлические кровати с шариками, дешевая трехрожковая люстра и пр. Часть стен сплошь увешана иконами и образками. В витрине, среди других образков, находится изображение наследника Алексея в виде святого, с сиянием вокруг головы. На одном из столиков — большой фотографический

портрет покойного Орлова — показатель большой терпимости Николая II.

В молельне, устроенной тут же, за кроватями, снова неисчислимое количество образков. Вместе с теми, которые висят в спальне, их более 800. Что это — коллекция? Но они не представляют археологического интереса, большинство — «новоделы», сомнительного качества. Значит, это — просто внешняя, маниакальная, иступленная форма религиозности. Став православной, Александра Федоровна захотела быть «более православной, чем сами православные». Жила ли в этих стенах глубокая религиозная мысль, живое искание, философское осознание веры? Мы не чувствуем этого ни в обстановке комнат, ни в подборе книг, ни в «переписке Романовых», где все завалено политическими делишками и супружеской нежностью.

Если гостиные и кабинеты императрицы производят впечатление буржуазного богатства, то спальня напоминает обиход достаточной мещанской семьи, — настолько обстановка банальна, безвкусна и непритязательна. Особенно убогим кажется этот альков по сравнению с великолепием и роскошью ложа импер. Марии Федоровны в Павловском дворце или с «опочивальнями» Большого дворца.

Книги в кабинете Александры Федоровны преимущественно английские, есть немецкие и французские, но русских авторов почти нет. На

антресолях в гостиной — комплект «Столицы и Усадьбы».

Нередко экскурсанты, осматривающие Александровский Дворец, задают вопрос — «где здесь жил Распутин» и не хотят верить, что в Александровском Дворце Распутин никогда не жил, а останавливался лишь в Большом Дворце, либо у Вырубовой.

Влияние Распутина при дворе образовалось, повидимому, постепенно. Есть сведения, что царь относился к нему вначале без того энтузиазма, какой обнаруживала Александра Федоровна. Распутин был допущен во дворец не без колебаний. Передают восклицание Николая: «уж лучше Распутин, чем десять истерик в день!» Однако, очень скоро кумир государыни сумел подчинить себе и слабовольного, впечатлительного царя. Его молитвам стали придавать чудотворное значение, и несомненно, он способен был к сильнейшему гипнотическому влиянию. Дворцовые служащие, не отрицая почета, каким царская семья окружала прославленного проходимца и развратника, утверждали, что отношения между ним и царицей носили исключительно платонический характер. Дочери Александры Федоровны, по ее примеру, — «обожали» Распутина, но наследник проявлял иногда своенравное отношение к «старцу».

Воспитательницы великих княжен — фрейлины Тютчева и кн. Орбелиани, не пустившие Распу-

тина в спальню своих воспитанниц, были незамедлительно отстранены. Держался во дворце Распутин довольно развязно, наприм., при виде одного престарелого сановника, он не постеснялся громко заявить: «не нравится мне евоная рожа». Однако, от таких сцен, какие рисует Джанумова в своих «Записках» (см. «Русское Прошлое, кн. 4-я), Распутин во дворце все же воздерживался, не напиваясь в лоск и не колотя посуды. Очевидно, от него большей утонченности не требовалось для роли «царедворца».

34827
«Распутиниада» становится психологически понятной именно при обзоре апартаментов б. царицы, в которых все в целом и каждая мелочь в отдельности свидетельствует о дурном, упадочном вкусе, об изнеженности, истеричности, распущенности. Что-то тревожное и вместе с тем расслабленное есть в этих разбросанных повсюду photographиях, безделушках, в этой бесвкускокетливой мебели, в картинах чуть ли не от «Аванцо» или «Дациаро».

Если принять во внимание огромные средства, которыми располагала царская семья, нельзя не удивляться, как она не сумела создать вокруг себя более благородную, изящную и строгую обстановку.

Присутствие или отсутствие эстетического чутья чрезвычайно показательно в быту и «этика» в значительной мере определяется «эстетикой». В «эстетике» последних Романовых не было даже

элементарной художественной культуры. И потому вполне понятно, что Распутин, с его загадочно-пикантным «мистицизмом», в поддевке и сапогах с голенищами, богомольно-сквернословный и похабно-набожный «пейзан» — их не шокировал ни эстетически, ни морально.

Еще Тургенев иронически заметил (в письме к Фету), что русский мужик способен в антракте между двумя рыготинами произнести глубоко-мысленный афоризм, как бы во сне. Это мнение разделяла и царская чета, без всякой иронии, имея в виду не коллективного «мужика», а персонально «отца Григория» и его афоризмы.

Буржуазный декаданс «личных апартаментов» становится особенно разителен при сравнении их с парадными комнатами дворца. Правда, и здесь замыслы Гваренги отчасти искажены последними Романовыми (напр., в прекрасном по архитектуре зале построена деревянная горка для катания на коврике, переделан центральный зал и пр.), но величаявая и благородная обработка стен, облицованных искусственным мрамором, сохранилась почти без изменений. В угловой гостиной (Александры Федоровны) находим отличную мебель стиля Людовика XVI, бюро Жакоб, старинную бронзу (Людовика XV и Empire) и т. д. На стенах «Казак» Детайля. «Коронация Николая II» Беккера, портрет Александры Федоровны, раб. Каульбаха, портрет Николая II — Верещагина. Отметим большой гобелен (с картины Виже-

Лебрен 1787 г.), изображающий Марию-Антуанетту с детьми и невольно вызывающий мысль о роковой аналогии в судьбе французской королевы и последней русской царицы.

Рядом с угловой гостиной расположены одна за другой три библиотечные комнаты. Здесь в отдельных шкафах хранятся личные книги Павла I, Александра I, Елизаветы Алексеевны и др. Из скульптуры отметим статуэтку Пушкина — работы Л. Бернштама, модель памятника Петру I — Антокольского. Тут же модели кавалерийских форм, кораблей и пр.

Далее расположен ряд парадных зал («Зал с горкой», портретный, полукруглый, малиновая гостиная). Обработка стен — Гваренги, мебель — стиля Empire и Людовика XVI, частью старая, реставрированная, частью новая, Мельцеровская. Картины Айвазовского, Реймерса, Боголюбова, Басина, Мещерского, Лагорио, Воробьева; портреты кисти Рокотова, Дау, Крюгера, Робертсона, Гальтера, Неффа и др. Бюсты (семья Николая I) раб. Вихмана и Витали.

Через малую гостиную и проходную можно пройти на половину Александра III, описывать которую здесь не будем.

Во втором этаже, над «личными апартаментами» — «детская половина» Александровского Дворца; она малоинтересна, бесцветна, скромна. Классная комната младших княжен, игральная, куклы, расписание занятий. Столовая, детская,

комната старших княжен. Обстановка простая, вплоть до венских стульев. Несколько комнат наследника, спальни его воспитателя Жильяра и дядьки-матроса Деревенько.

Учебные занятия княжен происходили здесь, на детской половине, и только в виде исключения, очень редко — вне стен дворца. Так, в царско-сельском реальном училище был отличный кабинет физики (преподавал княжнам физику директор училища Цытович) и княжны приезжали (кажется, несколько раз) в реальное, «наблюдать опыты».

Поучительно сравнить «детскую половину» Александровского Дворца с теми комнатами, которые устроил своим детям Николай I на «Детском Острове», в парке, около Дворца: там, в маленьком домике, построенном Горностаевым, в гостиной и четырех маленьких комнатах, прекрасная роспись, детская мебель, законченный ансамбль. Направо от домика — бюст Жуковского. Чей бюст мог бы поставить Николай II в комнаты своих детей? Разве что бюст «Григория Ефимовича»...

За проходной комнатой следует вестибюль III-го подъезда, соединенный колоннадой с вестибюлем второго подъезда.

Перед колоннадой Александровского Дворца в прежнее время было целое море сирени, пышные кусты которой красиво контрастировали с белизной колонн. К несчастью, сторонники стро-

гого «архитектурного пейзажа» нашли неуместным эту растительную декорацию и года три тому назад вся сирень перед дворцом была безжалостно вырублена, как заслоняющая, якобы, фасад. Не чего и говорить, что кусты не могли заслонять огромной коллонады, и что подобный вандализм непростителен. Великие зодчие, в том числе и автор Александровского Дворца Гваренги — умели ценить флору, как выигрышный для здания декоративный элемент. В наши дни, наоборот, некоторые искусствоведы отстаивают унылую обнаженность архитектурных памятников.

На площади перед Александровским дворцом Николай II иногда принимал небольшие парады, главным образом, в годы войны. Большие же парады происходили на площади Екатерининского дворца, которая значительно просторнее и торжественнее. На этих парадах часто присутствовала вся царская семья. В последние годы царствования царь обычно посещал парады один. Тут же на площади Екатерининского дворца происходил прием юнкеров, окончивших курс.

На дворцовом плацу устраивался ежегодно смотр конвоем его величества, или, как их называли, «казакам»; лихие кавалеристы демонстрировали изумительную «джигитовку», которой позавидовали бы цирковые наездники. Это зрелище собирало в полном составе царскую семью и местную аристократию.

Всем памятли казаки в папахах и красных или синих кафтанах, дежурившие во дворце и около дворца, и сопровождавшие царя верхом при выездах. Они были такой же неотъемлемой принадлежностью царской резиденции, как и дворцовая полиция и агенты охраны.

Сотни условностей, бесчисленные «традиции», порою утратившие смысл и получившие комически-театральный оттенок, связывали «державного хозяина земли русской» по рукам и ногам.

В сущности, это была жизнь нелегкая и невеселая, много в ней было обязательного и неизбежного. Постоянная зависимость от этикета, «церемониала». Чего стоило хотя бы ежегодное пасхальное христосование, когда царю приходилось в течение нескольких часов почти непрерывно целоваться с нескончаемой вереницей придворных, всевозможных депутатов, дворцовой челяди. Любопытно отметить, что из всего царскосельского штата служащих к этой церемонии не допускались одни только агенты охраны (так наз. «шпики»), от которых, повидимому, царю и так было не вмоготу. Во время проезда царской семьи по городу или по парку, повсюду прогуливались меланхолические субъекты, с той благородной осанкой, какую Тургенев отметил у шулеров.

Иногда усердие их было чрезмерно и вело к грустным недоразумениям. Однажды царь, во время прогулки по парку, обронил сигару; рабо-

тавший неподалеку садовник подбежал к нему, поднял сигару и протянул ее царю. В ту же минуту он был убит выстрелом охранника, прятавшегося где-то в кустах. Оказалось, что бдительный детектив принял садовника за злоумышленника, покусившегося на «драгоценную особу государя императора».

От школьников-царскоселов требовалось неуклонно останавливаться и снимать фуражку при встрече с членами царской семьи. На этой почве случалось не мало неприятностей: по незнанию, рассеянности или из чувства «либерализма» иные ученики не исполняли этого требования. Сыщики доносили по начальству и дело в лучшем случае ограничивалось строгим выговором, в худшем же случае (при рецидивах) исключением из учебного заведения.

Среди молодежи находились любители приключений, провоцировавшие сыщиков. Так, один студент явился на парад, где должен был присутствовать царь, с пустой коробкой из под консервов, завернутой в бумагу. Прогуливаясь среди публики, ожидающей появления царя, он проявлял все признаки нетерпения и относился к своей коробке с величайшей бережностью, оберегая ее от толчков. Этого было достаточно, чтобы сыщики заподозрили в нем террориста и приняли его жестянку за бомбу. К нему подошли два джентльмена, сделали замечание, что «с пакетами на парад не полагается» и отобрали коробку. Убе-

дившись, что это всего только пустая банка из под консервов, они с конфузом ретировались, под смех окружающей публики.

Усиленная охрана, постоянный полицейский надзор за «верноподданными» не могли, разумеется, способствовать популярности царя. Он, повидимому, и сам сознавал это, но ему внушали, что без детективов обойтись невозможно. Только на «Штандарте» избавлялся он от постылой охраны.

Представление о жизни царского двора, как о сплошном празднике, неверно уже потому, что не может быть праздника там, где атмосфера отравлена интригами, подозрениями и тревогами. Но «пожить», все-таки, умели и, судя по сохранившимся меню, устраивали Лукулловские пиры.

Иные плоды привозили из Алжира, цветы из Ниццы, устрицы из Остендэ и т. д. На парадных обедах количество блюд достигало пятнадцати. Меню украшались рисунками Липгардта, Тавастшерна, Самокиша и др.

Был-ли Николай II действительно алкоголиком, как говорит молва? По свидетельству приближенных, царь потреблял вино весьма умеренно, и нередко одна и та же бутылка подавалась несколько дней подряд. Но бывали случаи и обильного возлияния, особенно в сотрудничестве с адмир. Ниловым. Вечеринки лейб-гусар, в которых Николай II иногда участвовал весьма активно, сопровождались обычно безудержным пьянством и дикими

затейми, описывать которые не входит в нашу задачу.

Ранним утром, по окончании такой вечеринки, Николая можно было встретить возвращающимся в экипаже во дворец в довольно жалком состоянии. Так, юдному царскоселу случилось видеть царя в припадке морской болезни; за экипажем, бежали, шатаясь два гусарских офицера, кричавших: «Коля, Коля, возьми нас с собой»!.. Дворцовый городской, взяв под козырек, невозмутимо взирал на эту сцену.

Если оставить в стороне случаи вольных и невольных излишеств, то, в общем, у Николая было стремление к регулярному, гигиеническому образу жизни, даже с склонностью к спартанской простоте *).

По утрам он купался в бассейне при температуре воды 18—20°. Ежедневно совершал прогулки пешком, зимой раскапывал снег, играл в снежки, летом — занимался греблей, играл в теннис и т. п. С юных лет привыкнув к спорту, он был хорошо закален, не боялся холода, сквозняков и пр., зимой работал у себя в кабинете ино-

*) Некоторые бытовые черты, здесь сообщаемые, записаны со слов дворцовых служителей, состоявших при личных апартаментах б. царской семьи. Общаясь с ними во время работы в Царскосельской Художественно-Исторической Комиссии, я вынес впечатление, что большинство их показаний вполне объективно и заслуживает доверия.

гда при открытой форточке. Когда престарелый вельможа, делавший ему однажды доклад, попросил разрешения закрыть форточку, Николай выразил свое неудовольствие по поводу такой изнеженности. Охота была одним из любимых его развлечений и когда нельзя было, по условиям места и времени, заняться ею обстоятельно, он ограничивался стрельбой галок в парке. Это жестокое пристрастие к галкам имел в свое время и в. к. Владимир Александрович, который не стеснялся охотиться в Екатерининском парке, доступном публике, где он подвергал посетителей парка опасности получить заряд дробы на память о великокняжеских развлечениях.

Постоянным элементом дворцовой жизни были регулярные концерты в Александровском Дворце, с участием артистов императорских театров и некоторых других; в большом фаворе была русская песня и ее представительницы — Плевицкая, Тарасова. Неоднократно выступал во дворце Шаляпин, при чем однажды произошла следующая неловкость. По окончании какого-то номера, вызвавшего дружное одобрение царской семьи, Шаляпин подошел к Николаю и развязно наклонившись к нему, что-то шепнул. Царь рассмеялся, но отошел в сторону. Придворные были крайне шокированы и смущены; — правила этикета были нарушены: нашептывать царю на ухо значило позавать всякое приличие. Что же сказал Шаляпин царю в ответ на похвалу его пению? — «Мы,

костромские, не подкачаем!..» (намек на костромское происхождение Романовых).

Об этом эпизоде нет упоминания в книге Теляковского «Мой сослуживец Шаляпин» («Academia», Лг., 1927), но он вполне соответствует той развязности («каким невозможным нахалом держит себя Шаляпин!»), какую проявлял великий артист на репетициях в Эрмитажном театре (жалоба церемониймейстера Теляковскому).

Нужно упомянуть еще о парадных спектаклях в Китайском Театре (преимущественно — балет), попасть на которые считалось большою честью. Сейчас немалую редкость составляют изящные программы этих спектаклей, к украшению которых приглашались лучшие художники «Мира Искусства» — К. А. Сомов, А. Я. Головин и др.

Проф. Елчанинов в своей брошюре о Николае II, представляющей собою сплошное восхваление царя-труженика, пытается представить порядок дня Николая II строго регламентированным, с определенным расположением трудовых часов. Едва ли это отвечает действительности: порядок дня во дворце зависел, повидимому, от многих посторонних причин и на него влияли многочисленные события военной, политической и просто придворной жизни. По утрам, обычно, происходил прием докладчиков, — министров и других должностных лиц, а в остальное время досуг и труд чередовались без особой законности. В годы войны регу-

лярность жизни нарушалась, повидимому, особенно часто.

В конце 1890-х и в начале 1900 г. г. проезд царя по городу и появление его на парадах перед Большим Дворцом вызывали громогласное «ура» царскосельской публики. После 1905 г. такие проявления верноподданнических чувств стали значительно реже; жидкое «ура» обычно исходило от охранников. В последние годы царствования и эти приветствия прекратились. Изменились, впрочем, и способы передвижения: в начале царствования царь ездил почти всегда в открытом экипаже (иногда верхом), а в последние годы в быстро несущемся закрытом автомобиле. Императрица и дети чаще ездили в экипаже, в сопровождении конвойных казаков.

Наследника можно было видеть зимой в маленьких санях, запряженных одной лошадью, с матросом Деревенко вместо кучера.

В общем, жизнь Николая II в Царском Селе носила более изолированный характер, чем, например, жизнь Александра II, при котором парки, во время пребывания царя, не закрывались для публики. Александра II можно было встретить и в парке, и в городе, без сыщиков, снующих вокруг и около. При Николае доступ в Александровский парк безусловно запрещался жителям Царского Села. Даже тогда, когда царская семья уезжала в Ливадию или в шхеры, в Александровский парк публику впускали (в последние, довоенные

годы) только по особым билетам. Примыкающий непосредственно ко дворцу собственный садик всегда оставался закрытым даже в отсутствии царской семьи и охранялся часовыми (ныне открыт). Кроме того, вдоль ограды постоянно разъезжали конные конвойцы, пристально наблюдавшие за прохожими. Кстати, в дни февральского переворота 1917 г. «собственный его величества конвой» перешел первым на сторону революционеров — не потому ли, что придворная жизнь с ее «распутиниадой» происходила у конвойцев буквально на глазах?

За исключением случаев торжественно-церемониальных, как закладка новой церкви и т. п., Николай не выезжал в город. Чаще можно было видеть в городе Александру Федоровну, посещавшую Екатерининский собор, а во время войны — дворцовый госпиталь, лазарет Красного Креста и др. Ее обычно сопровождали две старшие дочери, иногда Вырубова или одна из приближенных фрейлин.

Поездки в Петербург совершались по особой «царской ветке», вокзал которой находился недалеко от Александровского парка, в сторону дер. Кузьмино. Уничтоженный однажды пожаром до тла, вокзал был построен заново в том же русском стиле, в каком сооружен весь Федоровский городок, примыкающий к Александровскому парку. Затея Николая II создать поселок в стиле древнерусского каменного зодчества,

была бы сама по себе не плоха, если бы не дисгармонировала с общим характером царскосельских дворцов и парковых павильонов. Правда, последние также мало объединены в стилистическом отношении (барокко Большого Дворца, неоклассицизм Камероновой галлерей, «Китайская деревня», псевдо-готический Арсенал и т. д.), но это тем не менее оправдывает присоединение еще одного стиля, в особенности, в довольно близком соседстве с классическим созданием Гваренги.

Спрашивается, почему Николай II избрал своим местопребыванием Александровский дворец, а не Большой? Помимо соображений комфорта, это объясняется тем суеверным страхом, какой питала Александра Федоровна к Большому Дворцу, населенному «теньями предков». В Большом Дворце только в исключительных случаях устраивались приемы и обеды. В дни бракосочетания в. к. Елены Владимировны и позже в. к. Марии Павловны (дочери Павла Александровича) Большой Дворец необычайно оживал. Это не были, конечно, феерические празднества времен Елизаветы и Екатерины, но во многом они подражали той эпохе: ко дворцу тянулась процессия экипажей старинных раззолоченных карет, коим предшествовали «арапы», «золотая рота» стариков-гренадеров, оркестры музыки. Вечером улицы были иллюминированы площадками и разноцветными фонарями; горели бенгальские

огни и свистящие ракеты взлетали над парком, с треском рассыпая искры. Музыка исполняла соответственные гимны, толпа соответственно кричала «ура», но людям Екатерининской эпохи все это показалось бы, вероятно, весьма жалким и мизерным по сравнению с баснословной роскошью и великолепием тогдашних празднеств.

Замечательная по своему декоративному убранству церковь Большого Дворца в последние годы также пустовала, как и весь дворец, т. к. царская семья предпочитала Федоровский собор или церковь Знамения.

После убийства Распутина, к церквям Царского Села присоединилась новая своеобразная «святыня» — часовенка в память «отца Григория» (вблизи Федоровского городка). Не легко было найти зодчего, который бы согласился спроектировать и построить памятник: архитектора отказывались единодушно, по принципиальным мотивам. Нашелся, однако, строитель, соорудивший подобающий монумент, но вскоре после февральской революции эта постройка была сожжена.

Сами дворцы, как художественно-исторические памятники, по счастью, несколько не пострадали от Революции. Ни войско, ни население не пыталось проникнуть во дворцы насильственно, если не считать одного случая, когда группа солдат возымела намерение проникнуть в винный погреб, находившийся при дворцовой кухне.

Немедленно после этого, по приказу дворцового коменданта, все запасы вина подверглись уничтожению: многие сотни бутылок драгоценного вина (столетнего и старше) были разбиты. Содержимое их напоило землю и немногих избранных.

Нужно отметить, что апофеоз, придуманный А. Н. Толстым и П. Е. Щеголевым в популярном «Заговор императрицы», носит совершенно условный, чисто театральный характер: никогда никакого вторжения во дворец рабочих и крестьян не было. Дворцы подверглись мирному завоеванию и до сих пор никто, кроме безоружных экскурсантов, в них не вторгался.

Великокняжеские дворцы в Детском Селе были национализированы приблизительно одновременно с царскими; дворец Марии Павловны был занят Советом, дворец Бориса Владимировича — администрацией детских колоний (одно время в нем жил А. В. Луначарский), дворец О. В. Палей (супр. Павла Александровича) был сохранен, как музей¹⁾ Первый из них не представлял большого художественного интереса, английский коттедж Бориса Владимировича также. Зато дворец Палей весьма интересен, как музей французского искусства XVIII века, как попытка реставрации эпохи Людовика

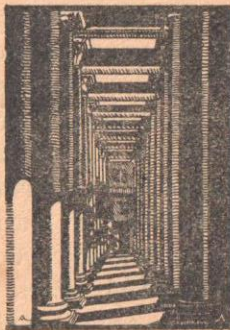
¹⁾ Дворец Палей описан нами в иллюстрированном издании «Дворцы—Музеи. Собрание Палей в Детском Селе» (изд. «Среди коллекционеров»), 1922.

XVI и Империи. Его обстановка, подобранная умело и со вкусом, резко отличается от обстановки личных комнат Николая II и Александры Федоровны. Годы изгнания, проведенные в Париже (последствие морганатического брака) наложили отпечаток «галломании» на всю обстановку дворца: никаких следов русского искусства (если не считать двух-трех картинок в личных комнатах), полное равнодушие к русскому художественному творчеству, — словно это не дворец великого князя т.-е. русского помещика), а дом французского капиталиста, склонного к собиранию и имитации старины.

Февральский переворот ликвидировал придворную жизнь мгновенно и как-то незаметно: одни царедворцы были арестованы, другие вовремя скрылись, взамен дворцовой полиции и «собственного Е. В. конвоя» появились солдаты революционной гвардии, занявшие караульные посты вокруг дворца и внутри его. Николай был доставлен из ставки в Александровский Дворец и содержался здесь в строгой изоляции от остальной семьи. Вырубова писала за границей о якобы возмутительно-грубом обращении стражи с царской семьей. Есть, однако, достоверные сведения, что стража вела себя сдержанно, офицеры обращались с б. императрицей достаточно галантно; Николая называли «г-н полковник» и водили на прогулку, сопровождая его в некотором отдалении.

Известие о необходимости отправиться в Тобольск вызвало в царской семье волнение, особенно протестовала Александра Федоровна.

После отбытия царской семьи, Александровский Дворец покинули жившие там придворные; внутреннюю охрану продолжали нести комнатные служителя, связанные круговой порукой. Дворец был тогда же передан в ведение председателя Царскосельской Художественно-Исторической Комиссии — арх.-худ. Г. К. Лукомского. Ему и его сотрудникам Царскосельские Дворцы обязаны своей сохранностью и превращением из «резиденции» в музеи, имеющие крупное историко-бытовое значение.

Примечание. Описание детскосельских дворцов и парков читатель найдет в книге Э. Голлербаха «Детскосельские Дворцы-музеи и парки» (Госуд. Изд.). 1922; литературная история Детского Села намечена в его же книгах — «Царское Село в поэзии» (изд. «Парфенон»), 1922 и «Город муз (Детское Село, как литературный символ и памятник быта)», 1927 г.